

варишество входил ряд общественных деятелей главным образом представителей либерального дворянства и крупной буржуазии. Председателем Правления был генерал А. А. Стахович, перед самой войной ставший актером Театра, а затем, в первые годы революции, покончивший жизнь самоубийством. Затем в число пайщиков входили князь П. Д. Долгорукий, расстрелянный большевиками, М. Г. Комиссаров — богатый заводчик и крупный домовладелец и т. д.

Своеобразная пирамида Театра заканчивалась двумя высшими точками: В. И. Немировичем и К. С. Станиславским. "Вода и камень, лед и пламень не столь различны меж собой", как эти два создателя Художественного Театра...

В. И. Немирович — законченный тип западного европейца со всеми его положительными сторонами. Человек большого, но несколько суховатого ума, с сильной волей, твердо знающий чего он хочет и умеющий добиваться поставленных целей. Выдающийся драматург в прошлом — он, в то же время, большой режиссер, тонкий художник и прекрасный учитель сцены...

Громоздкий и сложный аппарат Театра поставлен им на величайшую высоту. Все мелкие, на первый взгляд незначительные, но имеющие в Театре первостепенное значение, колесики и винтики сложного театрального механизма под его руководством работают бесшумно и точно как часы... Нет сомнений, что без такого исключительного администратора Театр никогда не был бы поставлен на такую высоту...

Маленького роста, с седеющей бородкой клинышком, точный и спокойный в жестах, до пределов выдержанный и корректный — он до революции не появлялся на улицах ина-

славского всякая остановка подобна смерти... Без сожаления сегодня он разрушает то, что в муках и трудах создавал вчера... Он смотрит только вперед, он только ищет. Для него — "жизнь начинается завтра"!

К. С. Станиславский — плохой политик. Он непоколебим в отношении всего того, что считает "своей" истиной. С этой точки зрения чрезвычайно характерен инцидент, имевший место при праздновании 30-летнего юбилея Театра в 1928 году...

Советское правительство поставило неперемным условием, чтобы на праздновании К. С. Станиславский выступил с благодарственной речью в адрес правительства и отвесил по-ясной поклон по направлению Директорской ложи, в которой должны были находиться советские вельможи.

Константин Сергеевич, как говорится, "закинулся". "Ни в коем случае!"

Много трудов было положено для того чтобы подвинуть его на это. Наконец, он согласился, но с многозначительной оговоркой:

"Хорошо, я это сделаю, — сказал он, — но за то я добавлю от себя несколько слов, которые не входят в официальную программу".

Делать было нечего и его условия были приняты...

В день торжественного юбилея у всех, кто знает, любит и чтит этого великого артиста, жалось сердце, когда громадная фигура его появилась на сцене и он, сказав свою речь, склонился затем в низком поклоне перед ложей, в которой сидели Сталин, Рыков, Енукидзе и т. д.

"Высочайше утвержденный" текст речи был избит — в ней приносилась благодарность советскому правительству за забо-

ся на колесиках, с трех сторон обтянутые обычным декорационным холстом, а с четвертой оклеенные золотом.

Переставляясь в различных сочетаниях, кубы эти удачно разрешили декоративные задания, и некоторые картины, а в особенности грандиозная лестница, уходившая в небо, производили громадное впечатление. Большую роль в этом играло освещение — прожектора, бросающие разноцветные лучи, создавали исключительную по красоте гамму красок, света и теней, в особенности в тех сценах, в которых кубы стояли к публике стороной, оклеенной золотом.

Интересно отметить, что за эту постановку Крэг получил от Театра 40.000 рублей, причем, вся работа с актерами и предварительная работа по постановке велась К.С. Станиславским. Сам Крэг приезжал в Москву всего два раза и то на очень короткое время.

Красиво и интересно была задумана Крэгом вторая картина — "Во дворце".

Она вся блистала золотом... Король и королева в золотых нарядах сидели на золотом троне, от подножия которого растилась золотой покров, покрывавший собою придворных, расположенных, нисходящим амфитеатром перед тронном.

Идея Крэга была — показать придворных, как бы объединенных единым покровом королевской милости... По его мысли, они являлись не собранием отдельных индивидуумов, но чем-то единым, вроде многоголовой гидры...

Сценическая задача актеров, изображавших придворных, сводилась всего только к тому, чтобы три раза во время картины склоняться в поклоне, а потом поднимать головы...

Первоначально предполагалось сделать головы придвор-

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

че, как в шелковом лондонском цилиндре, а брюки его безукоризненного редингота всегда были заглажены в математически правильную складку... Как режиссер тонкий и глубокий, он знает возможности каждого артиста, не требует ни от кого больше того, что он может дать, "не собирает с терновника виноград и с репейника смоквы"... Он осторожен в политике, не склонен вести борьбу с ветряными мельницами, предпочитая разумный компромисс...

К. С. Станиславский — "Старик" или "Каэс", как его называют в Театре — полная ему противоположность... Громадная фигура, широкая в плечах — он ростом чуть ниже Петра Великого... Седая голова с косым пробором редящихся волос... Черные узкие глаза, прикрытые стеклами пенсне, висящего на черной ленте, заброшенной за ухо...

В моих воспоминаниях он представляется гигантом, всегда с ласковой улыбкой склоняющимся к своему собеседнику... Он необыкновенно предупредителен и ласков по отношению ко всем — без различия ранга и положения... Как все великие люди он чрезвычайно рассеян, рассеян в силу большой внутренней сосредоточенности. Если вы приветствуете его на улице или в Театре, он всегда с приветливой улыбкой отдаст вам ваш поклон. Но напрасно будет ваше замечание, если вы предположите, что он знает, с кем именно он раскланивается.

Он так рассеян, что на одной из репетиций забыл имя собственной жены...

Он работает над собой везде, где бы он ни был... Его легко обмануть — он прост, наивен и доверчив, как ребенок... Но не таковы ли все люди, которым суждено проникнуть за завесы, закрытые для людей обыкновенных... Для его характеристики типичен случай, описанный Айседорой Дункан в ее мемуарах. Прославленная танцовщица в один из своих приездов в Москву увлеклась К. С. Станиславским, совсем не замечавшим ее чувства... Однажды, находясь с ним наедине, она его поцеловала... Константин Сергеевич, поднявшись с кресла, совершенно потрясенный спросил: "А что же будет с нашими детьми?"

Помню, как однажды на занятиях, происходивших в Студии под руководством Е. Б. Вахтангова, появился Константин Сергеевич... Он был бледен и утомлен... Занятия были прерваны, он хотел нам что-то сообщить...

"Господа, — сказал он, — сегодня ночью я проделал замечательный опыт. Когда я вернулся домой из Театра, мне захотелось есть, и я решил проверить, что испытывает при таких условиях мыш. Больше часу я искал на полу, около буфета, крошку хлеба... Это было замечательное ощущение!.. К сожалению, Марья Петровна (его жена М. П. Лилина) помешала мне... Очень советую вам проделать это упражнение!"

Разве это не изумительно? Представьте себе этого громадного человека с седой головой, ночью изображающего в своей столовой маленькую мышку и, может быть, на четвереньках ищущего на полу крошечку хлеба, для того, чтобы обогатить себя новым переживанием!.. Пусть улыбнется тот, кто прочтет эти строки, но не с насмешкой, а с улыбкой умиления, с чувством глубокой симпатии и восхищения перед этим изумительным человеком!

Без контролирующей руки В. И. Немировича К. С. Станиславский, по всей вероятности, разорил бы Театр в самое короткое время. Его фантазия не знает пределов, не знает никаких материальных преград... Только в сочетании со "льдом" Владимира Ивановича — "пламень" Константина Сергеевича мог дать практические результаты...

К. С. Станиславский в процессе работы не считается ни с физическими силами, ни со средствами актеров. Часто его репетиции бываю для них мукой. Сам он неутомим и в процессе творчества горит, как Неопалимая Купина, доводя своих сотрудников до полного физического и духовного изнеможения...

Перед первой постановкой "Гамлета" спектакли в течение двух или трех дней были отменены. Репетиции назначались утром с 11-ти до 4-х и вечером с 8-ми часов... Но не было случая, чтобы утренние репетиции закончились раньше шести часов и то вследствие неоднократных напоминаний со стороны Владимира Ивановича! Вечерние же заканчивались не раньше двух часов ночи, когда актеры буквально валились с ног от усталости...

В. И. Немирович — большой режиссер и большой художник, талант, управляемый разумом и волей... К. С. Станиславский — "Неистовый Роланд" от искусства, "Буйный сектант", по выражению одного из критиков...

В. И. Немирович, найдя прекрасное, останавливается и, как Иисус Навин, говорит: "Солнце — остановись!" Для К.С. Стани-

ты о сохранении Художественного Театра и, конечно, говорилось о том, что только советская власть могла дать новый, могучий толчок его развитию...

Но не успели смолкнуть восторженные аплодисменты советчиков, наполнявших зал Театра и увидевших гордую выю художника склоненной перед лицом "вождей пролетариата", как К. С. Станиславский сделал жест, означавший, что он хочет сказать еще несколько слов.

Зал замолк...

"В этот день, — сказал Константин Сергеевич, — день нашего юбилея, я не могу не обратиться мысленно к памяти че-

ловека, которому Театр обязан тем, что он не закрыл свои двери задолго до прихода советской власти. Мысли мои обращаются к нашему другу, к нашему спасителю в те черные дни — Савве Тимофеевичу Морозову. Его светлую память я прошу всех почтить вставанием!.."

Это было сказано с таким огнем и с таким темпераментом, что весь зал, включая тов. Сталина и иже с ним, встал как один человек...

Только через несколько мгновений советские вельможи дали себе отчет в том, что произошло — Генеральный Секретарь партии и Председатель Совнаркома — почтили вставанием память ненавистного буржуа и своего классового врага!.. Впечатление было потрясающее... Только К. С. Станиславский мог себе позволить что-нибудь подобное, да только ему одному это и могло пройти безнаказанно!..

Трудно было судьбе найти другую комбинацию двух личностей, столь друг от друга отличных и друг друга дополняющих, как К. С. Станиславский и В. И. Немирович... И как грустно, как печально, что союз этот, для взоров непосвященных остающийся в силе, оказался ныне разорванным навсегда...

Так бывает в браке... Люди живут совместно десятками лет и по внешности как будто счастливы... Но появляются в их отношении трещина, тонкая как волосок, для них самих незаметная, разрастающаяся позже в глубокую пропасть...

Так было и в союзе Немировича со Станиславским. Двадцать лет тому назад появилась между ними трещинка, к сегодняшнему дню превратившаяся в огромную пропасть, мост через которую перекинуть уже невозможно... Два исключительных человека, любовно строивших десятками лет совместно такое большое культурное дело, не могут больше слышать друг о друге... Они не появляются вместе в Театре, и все попытки к примирению не приводят ни к чему...

Что за причины такого антагонизма? Бог весть... Не нам судить их... На это можно только указать и по-тургеневски пройти мимо...

ВТОРОЙ премьерой, после "Живого трупа" в сезоне 1910—12 г. — шел "Гамлет".

Эта постановка подготовлялась Театром в течение ряда лет, причем, к участию в ней был привлечен знаменитый английский режиссер Гордон Крэг, предложивший свою особую систему оформления этого спектакля.

То, что было оформлено Художественным Театром, не вполне совпадало с замыслами постановщика, оказавшимися неосуществимыми. Осталась только основная идея.

Писанные декорации не было — они были заменены ширмами, представлявшими собою четыре сажени кубы, имевшие в основании около квадратного аршина, передвигавшие-

ных из папье-маше, но этот расход не был принят Дирекцией, вследствие чего было решено использовать для этого молодежь — "надежды Театра".

Любопытно, что это не помешало при начале репетиций В. В. Лужскому убедительно и очень долго говорить нам о сложности и трудности поставленной задачи, которую-де могут выполнить только подлинные артисты! Он предлагал нам заполнить нашу "игру", сводившуюся, как сказано, к трем склонениям и к трем поднятиям головы, "подлинными душевными переживаниями"!

Все это не помешало впрочем, когда наших голов оказалось недостаточно, посадить к нам в качестве исполнителей простых театральных рабочих, за дополнительную плату — 30 копеек в вечер! Дело "пропаганды" среди молодежи в Художественном Театре было поставлено неплохо...

История с золотым покровом не была лишена курьеза... Покров был грандиозных размеров с отверстиями, прорезанными для голов "придворных". В соответствии с количеством участников таких отверстий было не меньше ста. Он расстилался на полу и для того чтобы попасть в отверстие, находившееся посередине, — нужно было проползти под покровом по пыльному помосту сцены... Надо представить себе, на что походили мы, после того, как проползая на свое место, просовывали наши головы в предназначенные для этого отверстия!

Сидя под золотым покровом, не меньше пятнадцати раз репетировали мы эту картину, тщетно пытаясь сопроводить наше трехкратное поклонение "подлинными переживаниями"!.. Особенно мучительны были эти репетиции потому, что мелкая пыль сцены набивалась в уши, волосы, даже в поры кожи и нестерпимо пачкала белье!..

Когда под торжественные звуки фанфар раздвинулся занавес, и перед зрителями предстала залитая ослепительным светом прожекторов золотая зала с сидящими на возвышении, одетыми в золото королем и королевой, от подножия трона которых могучими волнами струилась золотой, сияющий покров — зрелище получилось феерическое!

Правда, кто-то из рецензентов ядовито сострил, что "Король" — В. О. Массалитинов — и "Королева" — О. Л. Книппер — напоминали два модных, ярко начищенных тульских самовара. Но впечатление этим не портилось.

СПЕКТАКЛЬ "Гамлет" прошел в последних числах декабря 1911 года.

Через несколько дней после этого на доске для объявлений появилось извещение, гласившее, что, по распоряжению К.С. Станиславского, 12 января 1912 г. молодежь театра, т.е. "Филиальное Отделение" и "Сотрудники", приглашаются в верхнее фойе на собеседование по вопросу об организации Студии Театра.

В жизни Театра дата эта должна быть признана исторической, ибо с этого дня прозябавшая годами молодежь получила, наконец, выход из своих творческих сил. В этот день было посажено зерно, давшее скоро здоровые побеги, зерно, от которого получили свое бытие многочисленные студии, роль которых несомненно будет отмечена историками Русского Театра!..

В назначенный день и час все уже были на своих местах, когда в сопровождении Л. А. Суллержицкого в зал вошел К. С. Станиславский...

В довольно запутанной речи он сообщил нам, что Дирекцией Театра отпущены средства на организацию Студии, в которой с желающими под руководством Е. Б. Вахтангова и непосредственным надзором Л. А. Суллержицкого ежедневно будут проводиться теоретические и практические занятия по его "системе". Выше же наблюдение за работой в Студии будет находиться в его руках, а в ближайшем времени в специальном здании будет открыт новый Театр из молодежи!..